

А. М. РАЧИН

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ
ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Р22

Ранчин А. М.

Р22 Занимательная Древняя Русь. — СПб.: Нестор-История, 2021. — 296 с.
ISBN 978-5-4469-2001-3

Книга в популярной форме рассказывает об особенностях древнерусской культуры, о ценностях и представлениях, присущих людям Древней Руси: о роли христианства, о восприятии пространства и времени, о своеобразии литературы, о символике церковной архитектуры и иконописи, о понимании природы власти. В центре внимания автора — культура церковная, но он также описывает и некоторые черты народного сознания. Его замысел — приобщить современных читателей к далекому прошлому Руси, сделать его ближе, понятнее и — если получится — интереснее.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-4469-2001-3

© А. М. Ранчин, 2021
© Издательство «Нестор-История», 2021

Предисловие

Название этой книги не случайно похоже на заглавие «Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре», которое носит книга замечательного филолога Михаила Леонovichа Гаспарова, неоднократно издававшаяся с 1996 года. Как и автор «Занимательной Греции», я попытался рассказать о культуре одной древней страны, о том, как представляли жизнь, мир вокруг и себя самих люди далекого прошлого. Я стремился подражать известному ученому, сумевшему рассказать очень просто и доходчиво об очень сложном. О том, что нам, людям совсем другой эпохи, во многом непонятно. Непонятно, потому что те, кто жил в эти стародавние времена, во многом совсем иначе представляли мир. В одной заметке Гаспаров, размышляя о восприятии произведений, созданных в другие эпохи, довольно резко выразил мысль о том, как трудно понять человека прежних времен (даже не очень далеких — Пушкина!), о преграде между ним и нами: «...мы не хотим признаться себе, что душевный мир Пушкина для нас такой же чужой, как древнего ассирийца или собаки Каштанки. Вопросы, которые для нас главные, для него не существовали, и наоборот. Мы не только не можем забыть всего, что Пушкин не читал, а мы читали, — мы еще и не хотим этого: потому что чувствуем, что из этих-то книг и слагается то драгоценное, что нам кажется собственной нашей личностью. Оттого мы и предпочитаем смотреть на дальние тексты сквозь ближние тексты».

Как и «Занимательная Греция», книга, которую вы открыли, обращена не к профессионалам-ученым, а ко всем, кто интересуется историей и культурой, к тем, кого обычно называют обобщенно «широкий читатель». Поэтому в ней нет сносок с точным указанием

изданий, по которым цитируется тот или иной источник, а фрагменты из древнерусских текстов даны в переводе. Исключение — тексты XVII века, а также некоторые более ранние: фрагменты без перевода приводятся, чтобы показать яркость, своеобразность языка. Древнерусские тексты в этих случаях воспроизводятся с упрощениями: заменяются буквы, отсутствующие в современном алфавите, опускается «ъ» на конце слов. (Единственное отступление от этого правила — воспроизведение выражения из древнерусского текста внутри цитаты из книги историка А. Е. Преснякова: вмешиваться в его текст я счел невозможным.) Частично используются уже существующие переводы (иногда с изменениями и поправками автора этих строк), частично — мои. Фамилии переводчиков не упоминаются. Интересующиеся могут их найти в изданиях древнерусских текстов, перечисленных в списке литературы, который находится в конце книги. Нет и упоминания имен ученых, писавших о Древней Руси. Редкие исключения — те случаи, когда ими были высказаны идеи особенные, совершенно оригинальные, не ставшие общепризнанными, но очень интересные. Но и в этом случае, называя имена исследователей и приводя цитаты из их работ, я отказался от примечаний. Основные исследования, использованные в книге, можно найти в списке литературы. Автор этих строк признателен исследователям, чьи мысли и наблюдения отражены в этой книге. Без их разысканий ее попросту бы не было.

Французский историк М. Блок заметил: «Наше общественное мнение, отравленное догмами и мифами, даже когда оно не враждебно просвещению, утратило вкус к контролю. В тот день, когда мы, сперва позаботившись о том, чтобы не отпугнуть его праздным педантизмом, сумеем его убедить, что ценность утверждения надо измерять готовностью автора покорно ждать опровержения, силы разума одержат одну из блистательнейших своих побед. Чтобы ее подготовить, и трудятся наши скромные примечания, наши маленькие, мелочные ссылки, над которыми, не понимая их, потешаются нынешние остряки».

Но многочисленные ссылки лишь перегрузили бы текст и затруднили его чтение. В этой книге я не полемизирую с другими исследователями, не оцениваю их гипотез и догадок. Использование

без ссылок и оговорок идей и открытий, сделанных другими, в книге, не претендующей на научную новизну и не относящейся к ученым трудам, — не предосудительно и плагиатом не является. К тому же и свои мысли и замечания я скромно обезличил, растворил в тексте, не указывая собственного авторства и первенства. В Древней Руси литературное творчество не было строго индивидуальным, представления об авторском праве не было, заимствования из чужих текстов считались естественными. Так что в этом «Занимательная Древняя Русь» немного похожа на памятники средневековой русской словесности.

Издания древнерусских текстов и наиболее важные работы, посвященные культуре Древней Руси, перечислены в списке литературы в конце этой книги. Пытливый и заинтересованный читатель может к ним обратиться. Выделения в цитатах принадлежат авторам цитируемых текстов.

Боюсь, однако, что моя книга не смогла приблизиться по полноте содержания, простоте изложения и легкости слога к гаспаровской «Занимательной Греции». А главное, «портрет» Древней Руси не получился столь же отчетливым, как образ Эллады у Гаспарова. Но для этого есть особые причины.

Античная Греция — это уникальное, неповторимое, ни на что не похожее явление. Конечно, греки были очень многим обязаны другим народам, прежде всего египтянам и финикийцам. Их цивилизация не родилась из головы бога Зевса, как богиня Афина Паллада, и не вышла из вод Средиземного моря, словно Афродита. И все же эта цивилизация во многом решительно непохожа на другие культуры Древнего мира. (Довольно велико сходство лишь с Древним Римом, но римляне как раз подражали грекам.) Она уникальна. Разве где-то еще прежде были такая литература, такие скульптура, архитектура, философские и политические трактаты, сочинения, учащие правильно и красноречиво изъясняться в прозе и стихах, — трактаты по риторике и поэтике? Разве где-то еще была такая полисная демократия — народовластие в городах-государствах?

Между тем у древнерусской культуры, отличающейся, конечно же, «лица необщим выраженьем», есть множество черт, общих с культурами других стран. Ей присуща традиционность, почитание

образцов, настороженное отношение к новизне — но это черты, характерные для всех цивилизаций Древнего мира и Средневековья, а отчасти и для раннего Нового времени. Она проникнута религиозностью, ориентируется на Библию — но это свойство всего средневекового христианского мира, а отчасти и иудаизма, и мира исламского, также признающих Писание (хотя и в разном объеме, и неодинаково понимаемое). Эта религиозность православная — однако православными были и Византия, и южнославянские страны. Язык древнерусской книжности — церковнославянский, осознававшийся как сакральный, священный, — но это и язык книжности южных славян, причем основной состав книжных памятников у восточных славян — обитателей древнерусских земель, и у славян балканских — болгар и сербов — был общим. Так что, описывая древнерусскую культуру, приходится отмечать и то, что присуще традиционным культурам вообще, и то, что свойственно христианскому Средневековью, и то, что характерно для средневекового православия в его славянской версии. Здесь не главенствуют резкие отличия от других цивилизаций, уловить своеобразие можно скорее в акцентах, в полутонах.

Не исключено, что у читателей возникнут вопросы и сомнения по поводу точности нарисованной в этой книге картины, ее соответствия далекой действительности. Ведь автор приводит и анализирует прежде всего свидетельства, принадлежащие перу древнерусских книжников, которые были в большинстве своем монахами, причем монахами высокообразованными. Также автор нередко черпает известия о представлениях древнерусского человека, о его восприятии мира из высокоученых сочинений, пришедших на Русь из Византии и Болгарии. Но ведь и число образованных книжников было совсем невелико, а их аудитория, круг их читателей — узким: духовенство (и то не все, очевидно), князья, бояре, какая-то часть купечества... Причем эти читатели могли не во всем разделять те идеи, представления и ценности, которые содержали заимствованные и оригинальные тексты. Насколько распространенными были те воззрения, идеи и нормы, которые отражены в памятниках древнерусской словесности? Что из содержащегося в Библии, переводных трактатов об устройстве мира, летописей или житий святых было

знакомо, а главное, понятно и важно для большинства людей Древней Руси? Можно ли утверждать, что так думал, считал, чувствовал некий средний (усредненный, типичный) человек Древней Руси? Чье сознание пытается описать автор книги? Может быть, всего лишь представителя так называемой культурной элиты? А «молчаливое большинство» древнерусского общества так и остается обьятым тьмой веков, непонятым и неразгаданным?

Вопросы эти отнюдь не праздные, а сомнения — не беспочвенные. Религиозность древнерусских людей, осознание себя православными христианами не подлежат сомнению. Но из века в век эти же люди, несмотря на обличающие проповеди, которые слышали в храмах, участвовали в игрищах и обрядах языческого происхождения, предавались ритуальному разгулу и бесчинству на святки и масленицу, исповедовали дичайшие суеверия. И об окружающем мире, его устройстве и истории они черпали сведения прежде всего из фольклора — устных сказаний, преданий и песен, а не из Священного Писания или из «Повести временных лет». А если сведения из церковной книжности доходили до народа, то они, как показывают, например, духовные стихи, жанр устной народной словесности, превращались порой в совершеннейшую ересь. Народные сказители пели о том, как в городе Иерусалиме

стоит гробница на воздусех белокаменна,
Почивают мощи самого Христа, царя небесного.

Это не единичный казус — в другом духовном стихе сказано, что в церкви в соседних гробах почивают тела Христа, Богородицы и апостола Иоанна Богослова. О воскресении и о вознесении Христа, о котором говорится в новозаветных книгах, сказители духовных стихов словно ничего не слышали.

Есть и другие примеры не менее причудливых народных представлений о христианском вероучении. Так, святого Николу (Николая) Угодника могли почитать *четвертым лицом* Святой Троицы и верить в то, что он займет место Господа, если Христос *умрет*. Существуют и свидетельства почитания икон в совершенно языческом роде — как богов. Отражение такого воззрения — поговорка «вот бог, а вот порог»: перекрестись на икону в красном углу да и ступай вон. И представление об иконе как о родовом и семейном

палладиуме, домашнем божестве» — прихожане приносили в церковь свои иконы и молились перед ними, зорко следя за соседями и не подпуская их к своему «богу».

Рядом с такими свидетельствами своеобразия народной веры уже не выглядит беспочвенным домыслом эпизод из романа Николая Лескова «На ножах», где мужики заходятся в споре о том, убили Кавель Кавеля или же, наоборот, Кавеля Кавель. (Так в темном сознании сельчан преломился библейский рассказ о первом убийстве на Земле — об убиении Каином брата Авеля.)

А череда бесконечных княжеских междоусобиц, как, впрочем, и многие иные грехи древнерусской истории, вроде бы побуждает согласиться с горьким суждением священника Савелия Туберозова — персонажа «Соборян», другого лесковского романа: «Христианство на Руси еще не проповедано».

Что на это можно возразить, как ответить?

Разительные противоречия между церковным учением и народной верой были в Средние века во всех странах и остаются явлением повсеместным и обыкновенным, причем откровенные суеверия могли и могут быть и у достаточно образованных людей. В южной Франции XIII века крестьяне почитали святого Гинфорта — собаку, будто бы спасшую хозяйского ребенка от огромного змея, но по недоразумению убитую отцом дитяти. Жители Константинополя считали арки и статуи, воздвигнутые в городе на закате античности и в ранневизантийское время, наделенными магической силой; в городе существовал когда-то памятник насекомым, поставленный, чтобы отвадить их. В магическую силу старинных статуй верили не только простолюдины, но и некоторые цари и царицы христианской Византии. В этой империи приход к власти через труп прежнего императора в отдельные периоды стал почти видом национального спорта, а ослепление или оскопление — рутинными, привычными способами устранения соперников. (Везло тем, кого *насилно* постригали в монахи.) В нынешней России политик может заявлять, что смертная казнь недопустима по христианским соображениям, но считать своим моральным правом отнять жизнь другого за убийство близких. А известный доктор, упоминающий о Боге и, очевидно, считающий себя христианином, — оправдывать

убийство обидчика. Словом, как говорил один мудрый персонаж, хотя, увы, и дьявол: «Люди как люди... Ну, что ж... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних...»

Противоречия между евангельским учением Христа, заявившего: «Царство Мое не от мира сего», и историческим христианством очевидны, как и расхождения между церковным учением и воззрениями большей части средневекового русского общества. Но чтобы понять роль христианства в сознании и деяниях людей Древней Руси, надо обращать внимание не только на сами несоответствия, но и на те черты и свойства, которые они приобрели с принятием Христовой веры.

В отличие от большинства современных людей, даже в отличие от многих воцерковленных, люди Древней Руси действительно были верующими. Они могли быть и обычно являлись плохими, иногда очень плохими христианами, христианами скорее по имени, чем по деяниям; но их восприятие мира и их система ценностей были религиозными.

Причина таких несоответствий и противоречий — не только в слабостях или неспособности воспринять христианское учение в его полноте. Культура — это почти всегда сложно организованная система смыслов, ценностей и запретов. Эти смыслы выражены с помощью разных языков (не в лингвистическом, а в более широком понимании), кодов. Это свойство культуры прекрасно описал замечательный ученый Ю. М. Лотман. Культурные представления духовного лица, князя, крестьянина совпадали далеко не во всем, некоторые представления были укоренены еще в дохристианском времени, другие сформировались уже после крещения Руси.

Ю. М. Лотману также принадлежит такой термин, как *автомодель*. Автомодель — это то представление о себе, тот собственный образ, который создает культура в качестве ориентира и идеала. Автомодель никогда не совпадает с действительностью: что-то не замечается осознанно, вытесняется, что-то проходит мимо внимания создающих этот образ потому, что не признается существенным, значимым.

Картина мира, представления, взгляды, ценности некоего среднестатистического человека Древней Руси, конечно, не во

всем совпадали с идеями и нормами, выраженными в памятниках древнерусской книжности. В известной степени автор этой книги описывает именно самосознание, культуру, присущие образованной части древнерусского общества. Но тонкости вероучения, внятные лишь немногим образованным книжникам, в этой книге затрагиваться не будут. Впрочем, по мере распространения христианства на Руси происходило несомненное сближение элитарного и народного мировидения. Показательный пример — Смутное время в начале XVII века, когда русские люди, противящиеся распаду державы, сражались в первую очередь за православную веру, а лишь затем за восстановление государства — причем государства именно православного. Или реакция огромной части общества (от четверти до трети православного населения России ушло в раскол) на церковные реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. В первые века после принятия христианства такое острое восприятие обрядовых реформ было бы невозможно.

Не только простецы, но и знать могли многого не понимать в церковном учении. Но через богослужение, через проповедь и таинство покаяния, через беседы с духовными отцами, иногда через обучение грамоте у священника христианские идеи и ценности, заповеди веры входили в их сознание, в их язык и что-то меняли в поступках, образе жизни. Духовные стихи и даже роман Лескова свидетельствуют не только о том, что догматы православной веры и библейские сюжеты могли искажаться, порой чудовищно, в умах паствы, прихожан. В первую очередь они свидетельствуют о том, что вероучение и библейские сказания в их сознание *проникали*. Впрочем, и представления простецов порой находили отражение на страницах древнерусских книг.

Описание сознания «среднего» горожанина или крестьянина Древней Руси, воссоздание системы ценностей и мировидения затруднено из-за почти полного отсутствия свидетельств. Первые более-менее значительные записи устной народной словесности, фольклора были сделаны только в XVIII веке, а систематически фольклор стали собирать лишь веком позже. Конечно, фольклорные жанры в основном малоподвижны и, видимо, не намного изменились за прошедшие века. Но все же это свидетельства

не древнерусского времени. Письменные сообщения не книжного, то есть, в сущности, нецерковного рода, принадлежащие самим людям Древней Руси, немногочисленны. Прежде всего это берестяные грамоты, большинство из которых с 1950-х годов находили и находят археологи в основном в Новгороде. Но эти послания, очень интересные для историков и лингвистов, говорят почти исключительно о вещах бытовых или о семейных ссорах и дразнях: здесь и напоминания об отданных в долг деньгах, и просьбы прислать рубашку или иные вещи, и жалобы тещи брату на зятя, избившего ее дочь, а саму почтенную новгородку назвавшего непотребным словом...

Часть ответов на наши вопросы, обращенные к людям Древней Руси, можно найти, анализируя лексику, ими использовавшуюся: слова, которыми обозначались понятия о мироустройстве и природе человека, о добре и зле. Но сами эти слова в основном встречаются именно в памятниках книжности, а попытки проникнуть во внутренний мир наших далеких предков через этимологию, анализ происхождения слов порой рискованны, потому что со временем старые значения стирались, этимологические связи утрачивались.

Любопытные и важные свидетельства содержат записки иностранцев о России. Однако они относятся по большей части только к довольно позднему времени — не раньше XV века. К тому же заезжих купцов и дипломатов интересовали в первую очередь либо государственное устройство и история Руси-России, либо экономика и отчасти быт, повседневная жизнь. Сознание, внутренний мир ее обитателей были им менее интересны, да и менее ясны.

Поэтому «окном» в ушедший в небытие мир Древней Руси в этой книге будут все-таки прежде всего ее книжные памятники, хотя я не игнорирую ни свидетельств фольклора, ни данных языка, ни известий, принадлежащих иноземным путешественникам. Однако, чтобы понять содержание книжных памятников, требуется знать не только их язык в лингвистическом смысле, но и литературные условности (конвенции), присущие книжности или ее различным жанрам. Так, монах Нестор, вероятный составитель «Повести временных лет», писал о себе в Житии Феодосия Печерского, одного из основателей Киево-Печерской обители, — созданном, видимо, не позднее 1088 или 1089 года — первом дошедшем до нас

житии святого-монаха (преподобного): «Хотя и пытаюсь я воздать достойную хвалу делам его, но не могу — груб я и неразумен». Похоже о себе свидетельствовал в Житии Сергия Радонежского, написанном около 1418 года, другой прославленный книжник, монах Троице-Сергиевой обители Епифаний, прозванный за свои знания Премудрым: «...сомневаюсь, боюсь приступить к повествованию, не смею и недоумеваю, как начать писать, ведь свыше сил моих дело это, ибо немощен я, и груб, и неразумен».

Прочитавший эти строки древнерусского автора ничего бы не понял в их истинном смысле, если бы решил, что Нестор и Епифаний были малообразованны и плохо владели книжным языком. На самом деле киево-печерский монах прекрасно знал переводную греческую словесность, прочитал многие жития, а троицкий книжник, несомненно, знал греческие памятники и в оригинале — греческий язык он постиг. Оба создали произведения, которые признаны шедеврами древнерусской словесности. Заявления двух книжников — не действительные признания в недостатке литературного мастерства и в необразованности, а своеобразные формулы скромности, самоуничужения, призванные подчеркнуть смирение пишущего, который осознает себя не столько автором, сколько орудием в руке Господа: жития пишутся ими по божественной благодати, благодаря помощи свыше.

Также нельзя воспринимать буквально слова игумена Даниила — древнерусского паломника в Святую землю, описавшего собственное путешествие, совершенное в начале XII века: «Братья и отцы, господа мои, простите меня, грешного, и не попрекните за скудоумие и грубость того, что написал я о святом городе Иерусалиме, о земле той благой и о пути, ведущем к святым местам. Ведь кто совершает этот путь со страхом Божиим и смирением, не погрешит против милости Божией никогда. Я же неподобающе ходил путем тем святым, во всякой лености, слабости, пьянствуя и всякие неподобающие дела творя». Пьянство здесь не реальное, а условное, это такое же приписывание себе греха, как и традиционное признание в скудоумии и грубости — невежестве.

Вообще, чтобы верно понять свидетельства какого-либо текста, нужно знать, как он устроен, каковы его назначение, функция

и каково происхождение. В Древней Руси существовали епитимийники — сборники с перечнями церковных наказаний (епитимий), которые священники налагали за грехи на прихожан — своих духовных детей. Из них довольно часто извлекают сведения, например, о семейной и сексуальной жизни людей русского Средневековья. Любители «клубнички», всяких пикантностей и непристойностей найдут здесь немало упоминаний и о разных сексуальных позах, и о гомосексуальных связях, и о зоофилии. Однако епитимийники, во-первых, восходили к византийским оригиналам, а не прямо отражали действительность, а во-вторых, их составители стремились предложить священникам исчерпывающий перечень всех возможных грехов, о которых духовники могли вопрошать исповедующихся: частота, распространенность этих грехов не была существенна. Автор этих строк вовсе не хочет сказать, что люди в Древней Руси не совершали подобных поступков (очевидно, совершали). Но судить о древнерусской повседневной жизни по епитимийникам — немного похоже на то, как если бы кто-то представлял себе обыденную жизнь современного общества, например, по статьям Уголовного кодекса.

Довольно часто в источниках встречаются сведения, отражающие, по-видимому, не современную им реальность, а жизнь намного более раннего времени, когда были составлены их источники. Так, в епитимийнике второй половины XII века, составленном белгородским епископом Максимом, есть статья, позволяющая по-прежнему, рукополагать в священники кандидата, который сожительствует с женщиной и имеет от нее детей, если перед тем над будущим священником и его сожительницей совершат таинство венчания. Фрагмент заимствован из сочинения киевского митрополита Георгия, составленного примерно веком раньше, на рубеже 1060-х и 1070-х годов. Спустя меньше чем сто лет после крещения Руси можно представить себе невенчанного попа и попадью, но спустя почти двести лет — едва ли. Как заметил современный исследователь Р.Г. Пихоя, статья сохранилась в епитимийнике из-за авторитетности ее источника.

И у южных славян, и на Руси почтенным сборником церковных законов был Номоканон (по-гречески «закон-правило»), или

Кормчая книга. Этот сборник, переведенный с греческого, содержал законы, не только относящиеся к церковным делам, но и нормы светского византийского права. На Руси эти нормы не действовали — в ходу была «Русская Правда», позднее другие своды законов. Тем не менее светские законы в составе Кормчей книги усердно переписывались — как ценное явление культуры, каким не считались свои местные законы.

В этой книге, в отличие от «Занимательной Греции», не рассказывается ни о политической, ни о социальной, ни об экономической истории Руси и средневековой России, ни об истории ее литературы или искусства. Во-первых, как говорил Козьма Прутков, доморощенный мыслитель, сочиненный в середине позапрошлого века тремя литераторами — графом А. К. Толстым и братьями Жемчужниковыми: «Нельзя объять необъятное». Во-вторых, история отечества должна быть известна читателям лучше, чем история Эллады, тем более что моя книга адресована в первую очередь не школьникам средних классов, а читателям постарше. Но отдельные упоминания и рассказы об исторических событиях в ней все же встречаются: без них было просто не обойтись. В гуманитарных науках есть два подхода к изучению явлений: их анализ и описание в развитии, изучение их истории (диахрония, диахронический подход) и исследование их как статичной системы (синхрония, синхронический подход). Разделение на два подхода очень условно. Но если его признавать, то нужно заметить: в этой книге преобладает синхронический взгляд на культуру Древней Руси. Хотя и о ее развитии тоже говорится.

В этой книге часто используется понятие «русские». Его значение в рассказе о первых столетиях древнерусской жизни не вполне совпадает с современным: до XV века было бы точнее говорить о восточных славянах — общих предках русских, украинцев и белорусов, которые еще не сформировались как отдельные народы. Тем не менее я предпочитаю слово «русские», потому что именно так называли себя в памятниках книжности люди Древней Руси.

«Занимательная Древняя Русь», в отличие от «Занимательной Греции», не строится по принципу хронологическому. Причина прежде всего в том, что и в политической и социальной истории,

Предисловие

и в культурной истории Эллады хорошо просматривается эволюция, развитие от архаического периода к классике и затем к эллинизму. В истории Древней Руси этого нет, в каких-то областях культуры развитие заметно, в каких-то нет. Чтобы рассказывать о культуре, о самосознании Древней Руси, придерживаясь временной последовательности, пришлось бы многим пожертвовать.

Оказалась ли изображенная автором этих строк Русь «занимательной» — судить читателям. Если нет, то основная доля вины в этом моя.

Глава первая

Русь христианская

Русь крестили дважды. Все если не помнят, то когда-то знали, что она была крещена при князе Владимире Святославиче в 988 году. Однако это не первое крещение русов. Еще в 860 году народ по имени русь напал на столицу Византийского царства Константинополь и угрожал городу. Однако корабли русов были успешно атакованы византийским флотом, а начавшийся шторм, в котором греки увидели Божье чудо, довершил разгром. В древнерусской летописи «Повесть временных лет» об этом событии 860 года ничего не сказано, зато сообщается о походе под 866 годом и названы его предводители — киевские правители Аскольд и Дир. Предполагают, что византийские источники и древнерусская летопись упоминают об одном и том же походе, но в «Повести временных лет» его дата неточна. В послании 867 года к епископам восточнохристианских церквей константинопольский патриарх Фотий заявлял: «...изгнав нечестие и утвердив благочестие, питаем мы добрые надежды возвратить новооглашенный во Христа и недавно просвещенный сонм болгар к переданной им вере. Ибо не только этот народ переменял прежнее нечестие на веру во Христа, но и даже для многих многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ Рос — те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на саму Римейскую державу! Но ныне, однако, и они переменяли языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя с любовью поставив в положение подданных и гостеприимцев вместо недавнего против нас грабежа и великого дерзновения. И при этом столь воспламенило

их страстное стремление и рвение к вере... что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием встречают христианские обряды. Таким вот образом по милости человеколюбивого Бога, желающего, чтобы все люди были спасены и достигли познания истины, переменяются у них старые верования и принимают они веру христианскую». Ромеями, то есть римлянами, называли себя византийцы, а свою империю — Ромейской, Римской. Ведь Константинополь был основан на месте древнего Византия римским императором Константином Великим, который сделал его новой столицей, новым Римом. Для жителей империи, которые не знали, что они византийцы (это позднее обозначение, возникшее в Западной Европе), Римское государство не перестало существовать после завоевания Рима в 476 году германскими варварами — оно продолжало жить, хотя сами его подданные давно сменили латынь на греческий язык и его центром был царственный город не на Тибре, а на Босфоре. Страшный народ Рос пугал византийцев-ромеев уже одним своим именем: оно звучало так же, как в библейской ветхозаветной Книге пророка Иезекииля (глава 38) имя народа Рош (по-гречески Рос), князь которого Гог из земли Магог во главе «великого сборища полчищ» должен был вторгнуться в землю Израиля. Название народа появилось в греческом переводе этой древнееврейской книги, а потом уже в церковнославянском переводе с греческого по ошибке: переводчики приняли слово «рош» («главный, голова») за обозначение некоего воинственного народа. В действительности же в оригинальном тексте говорилось не о «народе Рош», а о главном князе. Имя обступившего Константинополь северного народа внушало страх еще и потому, что вторжение этих диких полчищ упоминается в Откровении Иоанна Богослова — библейской книге, повествующей о конце света и Страшном суде. Здесь нападение этих яростных нечестивых племен — одно из свидетельств близкого конца мира; только здесь Гог и Магог поняты не как имя князя и его страны, а как названия народов: «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской» (глава 20, стих 7).

Оглавление

Предисловие	3
<i>Глава первая</i>	
Русь христианская	16
<i>Глава вторая</i>	
Пространство и время	66
<i>Глава третья</i>	
Представления о истории	115
<i>Глава четвертая</i>	
Словесность	166
<i>Глава пятая</i>	
Церковная архитектура и иконопись	191
<i>Глава шестая</i>	
Власть	225
<i>Глава седьмая</i>	
Повседневная жизнь	261
<i>Вместо послесловия</i>	
Конец Древней Руси	285
Литература	288

А. М. Ранчин

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

А. М. РАНЧИН
СЛОВО
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ
Путеводитель

Ранчин А. М.

«Слово о полку Игореве». Путеводитель. — СПб. : Нестор-История, 2019. — 272 с.

Книга посвящена «Слову о полку Игореве» — одному из самых знаменитых и загадочных памятников русской литературы. В древнерусской словесности оно во многих отношениях уникально. «Слово...» уже более двух веков привлекает неизменное внимание исследователей и писателей, порождает все новые, нередко взаимоисключающие интерпретации.

Предметом споров является вопрос о подлинности произведения, проблема его жанра, отражение истории в «Слове...» и оценка главного героя князя Игоря Святославича, неясные («темные») места, соотношение языческих и христианских элементов в тексте.

Книга содержит обзор различных толкований памятника, существующих в науке. Она адресована одновременно старшеклассникам, абитуриентам и студентам, учителям школ, лицеев и гимназий, специалистам-филологам и всем тем читателям, кому небезразличны русская литература и история, она обращена к тем, кто ощутил очарование и мощь древней «поэмы».

<https://nestorbook.ru/uCat/item/1433>

Научно-популярное издание

Андрей Михайлович Ранчин

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Корректор *А. М. Никитина*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 21.05.2021. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 18,5. Тираж 500 экз. Заказ № 2420

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86